

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б88

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *У. Сапциной*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Бронте, Шарлотта.

Б88   Учитель : [роман] / Шарлотта Бронте ; [перевод с английского У. В. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-107607-8

Уильям Кримсуорт молод и беден. Он чувствует себя чужим и несчастным на конторской службе, и место учителя в дорогом пансионе для мальчиков в Брюсселе кажется ему счастливой переменной участи. Именно там предстоит ему пройти нелегкий путь взросления и жестокое «воспитание чувств» — от юношеского увлечения яркой женщиной старше себя до глубокого, осознанного чувства к коллеге по работе, начинающей учительнице Френсис Анри.

Однако невинный «служебный роман» вызывает в ханжеской атмосфере пансиона злобу и враждебность...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107607-8

© Перевод. У.В. Сапцина, 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Предисловие

Эта небольшая книга была написана раньше «Джейн Эйр» и «Шерли», но это не значит, что она, как первая попытка, заслуживает снисходительного отношения. Дебютом она определенно не была, так как перо, написавшее ее, к тому времени уже постиглось от многолетних упражнений. Да, я действительно ничего не публиковала до «Учителя», но благодаря тому, что не раз решительно уничтожала едва написанное, мне удалось преодолеть свое былое пристрастие к избыточности и украшательству и предпочесть им безыскусную простоту. В то же время я взяла на вооружение ряд принципов, касающихся сюжета и прочего, которые обычно одобряют на словах, но результат применения которых на деле зачастую приносит автору больше удивления, нежели удовольствия.

Я сказала себе, что мой герой должен жить своим трудом, поскольку видела, что своим трудом живут настоящие мужчины, что у него не должно быть ни единого шиллинга, не заработанного им самим, что никакой поворот событий не должен вмиг принести ему богатство и положение, что даже самый скромный опыт должен доставаться потом и кровью, что прежде чем он найдет хотя

бы беседку, чтобы присесть, он обязан одолеть не меньше половины подъема на «холм Трудностей», что он ни в коем случае не должен жениться на красавице или аристократке. Будучи сыном Адама, он должен разделить его участь и за свою жизнь испить чашу, в которой отнюдь не преобладают радости.

Однако в дальнейшем я поняла, что издатели в массе своей не одобряют подобного подхода, предпочитая ему более художественный и поэтический, созвучный прихотливой фантазии с ее пристрастием к пафосу, к более нежным, возвышенным, неземным чувствам. В сущности, пока автор не откажется предоставлять рукописи такого рода, ему никогда не узнать, какие запасы романтичности и сентиментальности скрыты в груди, в которой он ни за что не заподозрил бы наличия подобных богатств. Принято считать, что деловые люди предпочитают действительность; на поверку это убеждение зачастую оказывается ошибочным: явное преобладание неистового, чудесного и воодушевляющего, а также ошеломляющего, душераздирающего и необычного будоражит души тех, кто хранит внешнее спокойствие и здравомыслие.

Читателю следует понимать: чтобы дойти до него в виде книги, это краткое повествование должно было выдержать некоторую борьбу, и действительно, оно немало претерпело. Между тем труднейшие испытания еще впереди, однако оно утешает, приглушает страх, опирается на посох скромных надежд и, обращаясь к читателю, негромко шепчет: «Тому, кто стоит невысоко, незачем опасаться падений».

Каррер Белл

* * *

Приведенное выше предисловие было написано моей женой для публикации романа «Учитель» вскоре после выхода в свет «Шерли». Поскольку ее отговаривали от издания первого из них, писательница воспользовалась материалами романа в последующем произведении — «Городок». Но поскольку эти два повествования разнятся во многих отношениях, мне представляется неправомерным утаивать «Учителя» от читателей. Поэтому я и согласился на публикацию.

Артур Белл Николлс

*Приход Хауорт
22 сентября 1856 года*

Глава 1

Недавно, перебирая бумаги в письменном столе, я нашел черновик письма, которое год назад отправил давнему школьному приятелю:

«Любезный Чарлз, во времена учебы в Итоне ни ты, ни я, что называется, успехом не пользовались: ты был насмешливым и наблюдательным, проницательным и хладнокровным; рисовать собственный портрет я не стану и пытаться, но не припомню, чтобы он отличался особой притягательностью, ведь так? Не знаю, какой животный магнетизм сблизил нас, но я определенно никогда не испытывал к тебе ничего, подобного чувствам Пилада и Ореста, и у меня есть основания полагать, что и ты был в равной степени избавлен от какой бы то ни было романтической привязанности ко мне. Тем не менее в свободное от уроков время мы предавались совместным прогулкам и беседам: когда их темой были наши товарищи или наставники, между нами царило взаимопонимание, когда же я рассуждал о чувствах, неких туманных пристрастиях к чему-либо возвышенному или прекрасному, независимо от того, был этот предмет одушевленным или нет, твое сардоническое безразличие меня не

задевало. Уже тогда я ощущал то же превосходство, что и теперь.

С тех пор как я отправил тебе предыдущее письмо, прошло немало времени, а с нашей последней встречи — еще больше. По воле случая мне в руки недавно попала газета вашего графства, и мой взгляд упал на твою фамилию. Я припомнил давние времена, перебрал в памяти события, произошедшие после нашего расставания, и наконец сел и принялся за это письмо. Не знаю, чем ты сейчас занимаешься, но если ты решишь выслушать меня, то узнаешь, как потрепала меня жизнь.

Окончив Итон, я первым делом встретился с моими дядюшками с материнской стороны, лордом Тайндейлом и почтенным Джоном Сикомом. Меня спросили, не хочу ли я стать священником, и мой высокородный дядя предложил приход в Сикоме, попечителем которого он был; затем другой дядя, мистер Сиком, намекнул, что, когда я стану ректором Сикома и Скайфа, мне будет позволено сделать хозяйкой своего дома и первой дамой среди прихожанок одну из шести моих кузин, его дочерей, к которым я питал лишь острую неприязнь.

Я отказался и от прихода, и от супружества. Хороший священник — это замечательно, но из меня священник получился бы сквернее некуда. А что касается женитьбы... О, каким кошмаром явилась для меня мысль о том, что я буду навеки связан с одной из моих кузин! Безусловно, они благовоспитанны и миловидны, но ни воспитание, ни обаяние этих особ не рождает отклика в моей душе. Представить не могу, как буду проводить зимние вечера у камин в гостиной дома при церкви в Сикоме, наедине с кем-нибудь из них — к примеру, с этим огромным

искусным изваянием Сарой... Нет, в таком случае я буду не только плохим священником, но и никудышным мужем.

После того как я отклонил их предложения, мои дядюшки осведомились, чем же я намерен заняться. Я ответил, что должен еще подумать. Мне напомнили, что у меня нет ни состояния, ни надежды получить наследство, и лорд Тайндейл после продолжительной паузы строго спросил, уж не надумал ли я последовать примеру отца и заняться торговлей. Раньше такое мне и в голову не приходило. Вряд ли с моим складом ума можно стать толковым торговцем, у меня нет вкуса к этому делу, не лежит к нему душа, но лицо лорда Тайндейла, когда он выговорил слово «торговля», отразило столько презрения, он вложил в голос столько пренебрежения и сарказма, что я немедленно принял решение. Родной отец для меня — только имя, но я не желаю слушать, как это имя произносят, усмехаясь мне в лицо. Я ответил поспешно и пылко, что лучшим для себя почитаю пойти по стопам отца, и — да, я буду торговцем. Дядюшки не стали возражать; мы с ними расстались, до отвращения недовольные друг другом. Теперь же, вспоминая эту беседу, я убеждаюсь, что правильно поступил, избавившись от бремени опеки Тайндейла, но совершил ошибку, сразу же взвалив на себя новый груз, который, будучи неизвестным, мог оказаться гораздо обременительнее.

Не мешкая, я написал Эдварду — ты знаешь Эдварда, моего единственного брата десятью годами старше меня, женатого на дочери богатого фабриканта и ныне владеющего фабрикой и делом, которое прежде принадлежало моему отцу, пока тот не разорился. Как тебе известно, мой отец, некогда бо-

гатый настолько, что его называли Крезом, разорился незадолго до смерти, а матушка пережила его на полгода, вынужденная существовать в нищете, без какой-либо помощи своих высокородных братьев, смертельно оскорбленных ее браком с энширским фабрикантом Кримсуортом. Когда эти шесть месяцев истекли, матушка произвела меня на свет и сама его покинула — думаю, без сожалений, так как уже ни на что не надеялась и ни в чем не находила утешения.

Как и я, до девяти лет Эдвард воспитывался у родственников моего отца. Так вышло, что в то время место представителя важного округа нашего графства пустовало, мистер Сиком претендовал на него. Мой торгашески расчетливый дядя Кримсуорт не упустил случая отправить кандидату резкое письмо, заявив, что, если тот и лорд Тайндейл и впредь не станут оказывать никакой помощи осиротевшим детям своей сестры, он, Кримсуорт, разоблачит эту злонамеренную жестокость и постарается, чтобы обстоятельства на выборах сложились против избрания мистера Сикома. И кандидату, и лорду Тайндейлу были доподлинно известны неразборчивость в средствах и решительность Кримсуортов, а также их влияние в округе; добродетельные поневоле, они согласились оплатить мое образование. В Итоне, куда меня отослали, я пробыл десять лет, за все это время ни разу не встретившись с Эдвардом. Став взрослым, он избрал стезю торговли и стремился исполнить свое призвание с таким усердием, искусством и успехом, что теперь, на тридцатом году, обладал солидным состоянием. Об этом он извещал меня редкими и краткими письмами раза три-четыре в год, неизменно заканчивая их свидетельствами

непреклонной враждебности к Сикомам и упрекая меня в том, что я, как он выражался, кормлюсь от щедрот их дома. В детстве я поначалу не понимал, почему я, круглый сирота, не должен быть благодарен дядюшкам Тайндейлу и Сикому за свое обучение, но с возрастом, постепенно наслушавшись рассказов об их стойкой неприязни, о том, какую ненависть к моему отцу они проявляли до самой его смерти, о страданиях моей матушки, короче, обо всех злоключениях нашей семьи, я устыдился своего иждивения и решил, что больше ничего не приму из рук тех, кто отказал в куске хлеба моей умирающей матери. Во власти этих чувств я и находился, когда отверг приход в Сикоме и союз с одной из высокородных кузин.

Таким образом, воздвигнув непреодолимую преграду между мной и дядюшками, я написал Эдварду, сообщил ему о случившемся и о своих намерениях последовать по его стопам и заняться торговлей. Мало того, я спросил, не найдется ли у него для меня работы. В ответном письме Эдварда я не увидел похвал моему поступку, но если бы я выразил желание приехать в Эншир, мой брат мог бы «посмотреть, нельзя ли как-нибудь подыскать мне место». Я запретил себе давать оценку его письму даже мысленно, уложил дорожный сундук и саквояж и направился напрямиком на север.

Проведя в пути два дня (в то время железных дорог еще не было), дождливым октябрьским полднем я прибыл в город N. Я думал, что там и живет Эдвард, но при расспросах выяснилось, что в дымном Бигбен-Клоузе находятся только фабрика и склады мистера Кримсуорта, а живет он в четырех милях от города.

Был уже поздний вечер, когда я очутился у ворот дома, принадлежащего, как мне указали, моему брату. Шагая по аллее, я разглядывал дом сквозь сумеречные тени и сырой мрачный туман, от которого эти тени становились гуще, и видел, что он огромен, а участок земли, на котором он стоит, достаточно обширен. На лужайке перед домом я помедлил и, прислонившись спиной к дереву, возвышающемуся в самом центре, с любопытством принялся изучать Кримсуорт-Холл снаружи.

«А Эдвард, оказывается, богат», — думал я. Я знал, что дела у него идут неплохо, но и представить себе не мог его хозяином такого особняка.

Пропущу свое восхищение, догадки, домыслы и прочее. Я направился к парадной двери и позвонил. Слуга открыл мне, я назвал свое имя и был избавлен от мокрого плаща и саквояжа. Меня препроводили в комнату, которая была обставлена как библиотека, в ней жарко пылал камин и горели свечи на столе; слуга известил меня, что его хозяин еще не вернулся с N-ской биржи, но будет дома через полчаса.

Предоставленный самому себе, я занял мягкое покойное кресло, обитое красным сафьяном и придвинутое к камину, и, пока мои глаза следили за пляской огня по раскаленным углям и за тем, как время от времени сыплется зола сквозь решетку, разум строил предположения о том, какой будет встреча. В этих предположениях было немало сомнительного, но одно я знал наверняка: умеренность моих надежд избавит меня от жестокого разочарования. Я не ждал избытка проявлений братской любви; письма Эдварда не дали подобным заблуждениям зародиться или окрепнуть. И все-таки в ожидании

брата я был взбудоражен, причем не на шутку, сам не знаю почему; моя рука, доньше не знавшая пожатия родственных рук, сжималась сама, умиряя дрожь, вызванную нетерпением.

Я вспоминал своих дядюшек и гадал, будет ли равнодушие Эдварда под стать холодности и надменности, всегда исходивших от них, когда слышался скрип распахнутых ворот, потом — стук колес экипажа мистера Кримсуорта, подъезжающего к дому, а через несколько минут — краткий разговор между хозяином и слугой в холле и шаги, приближающиеся к дверям библиотеки, — шаги, возвещавшие о появлении владельца этого дома.

У меня еще сохранились воспоминания десятилетней давности об Эдварде — рослом, жилистом, еще зеленом юнце, но теперь, поднявшись и обернувшись к двери библиотеки, я увидел привлекательного мужчину со свежим цветом лица, ладно скроенного и атлетически сложенного; с первого же взгляда я заметил в его глазах, общем выражении лица быстроту и проницательность ума. После лаконичного приветствия, пока мы обменивались рукопожатием, Эдвард окинул меня внимательным взглядом с головы до пят, потом устроился в сафьяновом кресле и жестом предложил мне занять второе.

— Я ждал вас в конторе в Бигбен-Клоуза, — заметил он, и я обратил внимание на его отрывистый выговор, вероятно, ему самому привычный, а также на гортанность, которая после мелодичных голосов южан резала мне слух.

— Хозяин постоялого двора, у которого остановился дилижанс, направил меня сюда, — объяснил я. — Поначалу я не знал, стоит ли ему верить,

ведь я даже не подозревал, что вы живете в таком особняке...

— Ну ладно! — прервал он. — Вот только я прождал вас лишних полчаса. Думал, вы придете восьмичасовым дилижансом.

Я извинился за то, что заставил его ждать, он не ответил, лишь разворошил угли в камине, словно пытаясь скрыть досаду, а потом снова оглядел меня.

Я был доволен тем, что в первую минуту встречи не выказал ни теплоты, ни воодушевления, а приветствовал этого человека спокойно и бесстрастно.

— Вы окончательно порвали с Тайндейлом и Си-комом? — порывисто спросил он.

— Не думаю, что еще когда-нибудь стану поддерживать с ними связь; видимо, отвергнутые мной предложения послужат непреодолимым препятствием к любому дальнейшему общению.

— Ну а я напому вам с самого начала наших отношений, что «никто не может служить двум господам»¹. Общение с лордом Тайндейлом и помощь с моей стороны несовместимы. — Закончив это предостережение, Эдвард взглянул на меня, и в его глазах показалась беспричинная угроза.

Не расположенный отвечать, я довольствовался размышлениями о различиях в складе человеческого ума. Какие выводы сделал из моего молчания мистер Кримсуорт — неизвестно: то ли счел его признаком упрямства, то ли решил, что я напуган его безапелляционностью. Задержав на мне долгий и пристальный взгляд, он вдруг поднялся со своего места.

---

¹ Евангелие от Матфея, 6:24. — *Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. пер.*

— Об остальном поговорим завтра, — заявил он, — а теперь пора ужинать, миссис Кримсуорт ждет. Вы идете?

Он вышел из комнаты, я последовал за ними. Пересекая холл, я размышлял, какой окажется миссис Кримсуорт. «Далека ли она от всего, что мне нравится, настолько же, как Тайндейл, Сиком, барышни Сиком, как любящий родственник, за которым я сейчас иду? Или она гораздо лучше их всех? Смогу ли я в разговоре с ней дать себе волю, выказать свою истинную натуру и...» Дальнейшие домыслы закончились нашим приходом в столовую.

Лампа с абажуром из матового стекла освещала красивую комнату с дубовыми панелями; стол был накрыт к ужину, у камина, по-видимому, ожидая нас, стояла дама — молодая, высокая ростом и хорошо сложенная, в нарядном и модном платье. Все это я заметил сразу же.

Дама и мистер Кримсуорт весело поприветствовали друг друга; обиженно и вместе с тем игриво она попеняла ему за опоздание, ее голос (я всегда обращаю внимание на голос, когда сужу о характере) был звонким и, как я решил, указывал на изрядное жизнелюбие. Мистер Кримсуорт вскоре прервал бурный поток ее упреков поцелуем — поцелуем молодожена (они были женаты меньше года), и его жена в прекрасном расположении духа заняла свое место за столом. Спohватившись, она извинилась за то, что не сразу заметила меня, и пожала мне руку, как это делают дамы, когда хорошее настроение располагает их к общению даже с теми, кто им совершенно безразличен. Теперь я уже видел, что цвет лица у нее свежий, черты отчетливые, приятные, а волосы ярко-рыжие.

Супруги возобновили оживленный разговор; миссис Кримсуорт сердилась или делала вид, что сердится, на то, что в тот день Эдвард велел запрячь в свою двуколку норовистого коня, а Эдвард уверял, что ее опасения напрасны.

Иногда миссис Кримсуорт обращалась ко мне:

— Мистер Уильям, вы только послушайте, что говорит Эдвард! Он твердит, что не станет править никаким другим конем, кроме Джека, а этот негодник уже дважды опрокидывал его экипаж.

Она слегка шепелявила, но не противно, а по-детски. Вскоре я заметил, что это не просто женское кокетство: что-то инфантильное проглядывало в ее отнюдь не младенческих чертах. Несомненно, со своей шепелявостью и ужимками она казалась очаровательной Эдварду, и, вероятно, ее сочло бы таковой большинство других мужчин, но только не я. Глядя в ее глаза, я стремился увидеть ум, которого не заметил на лице и не услышал в разговоре; глаза были довольно малы и веселы, в них поочередно отражались живость, тщеславие, кокетство, но не было заметно ни проблеска души. Красавицы в восточном духе меня не прельщают: белой шейки, кармина губ и щек, каскадов атласных кудрей мне мало без прометеевой искры, которая уцелеет, когда увянут розы и лилии и пламя волос подернется пеплом седины. Цветение уместно в лучах солнца и преуспевания, но в жизни немало и дождливых, тягостных ноябрьских дней, когда домашний очаг холоден без чистого, радостного блеска ума.

Я изучил чистую страницу лица миссис Кримсуорт и невольно выдал разочарование глубоким вздохом, который она, однако, приняла за знак восхищения ее красотой, а Эдвард, явно гордый богатой